

Е Ю быстро выбросил из головы недавнее происшествие. Вспомнив, что еще не завтракал, он оплатил проживание за день и, ухватив мальчишку за руку, потащил его к придорожному лотку с вонтонами. Вонтоны в этом древнем мире были лишены всяких пищевых добавок, и Е Ю от предвкушения даже слюнки пустил.

Наконец-то он распрощался с техническим маслом, суданским красителем, меламинам и кленбутеролом. Он был уверен: если бы его тело из прошлой жизни оказалось здесь, оно бы отравило всех червей, решивших им полакомиться.

Чао Минь сидел тихо, позволяя пару от своей чашки медленно подниматься вверх. Рынок был переполнен, со всех сторон доносились выкрики торговцев. Е Ю находил в этих криках особую прелесть старины. Он жевал вонтоны и с любопытством оглядывался по сторонам, рассматривая бумажных змеев, сахарные яблоки на палочках и лавки с фонариками.

А Чао Минь уже почувствовал на себе чей-то взгляд. В нем не было жажды убийства, но отделаться от него было невозможно.

Взгляд шел издалека, из-за пределов шумной толпы. Затем он ощутил вибрацию от столкновения бусин. Сначала едва уловимую, но постепенно она становилась все звонче. Звук за звуком — сто восемь четок. От далекого к близкому, от пустоты к присутствию, от безмятежного покоя к леденящей ярости.

Они двигались прямо на него.

Чао Минь лениво приподнял веки, взял с края чашки палочку и почти без усилия постучал по ее краю. По поверхности бульона пробежала легкая рябь, и он мысленно бросил короткое:

— Разрушить!

Звон четок мгновенно оборвался, но не прошло и полусекунды, как он возобновился, став хаотичным и яростным, подобно началу проливного дождя, несущего разрушение всему сущему.

Чао Минь снова постучал по чашке. Сила удара, движение руки, ритм ряби на воде — все осталось прежним. Он перевел взгляд на того, кто был далеко, и его глаза, казавшиеся такими невинными и милыми, слегка блеснули. Он тихо пробормотал:

— Проклятый лысый осел.

Е Ю, которого происходящее ничуть не затронуло, уже доел половину порции. Подняв голову и увидев, что еда в чашке Чао Миня не тронута, он покачал головой и принялся наставлять мальчишку:

— Ешь быстрее, не трать еду. Кто не ест, тот навсегда останется ростом в метр шестьдесят.

Чао Минь на мгновение замер. Неизвестно почему, но он вдруг отбросил палочки, взял ложку, помешал бульон и зачерпнул порцию. Не успел он поднести ее ко рту, как на ложке оказался аппетитный вонтон. Он поднял глаза и увидел Е Ю, который держал палочки. Е Ю с нахмуренным лицом произнес:

— Ты что, водопроводный кран, чтобы только бульон хлебать? Ешь.

Чао Минь посмотрел на вонтон, немного помолчал, размышляя, и наконец медленно взял его в рот. Теплая пища мгновенно согрела его язык.

Ему не нравилось это ощущение, но и отвращения он не испытывал.

Е Ю широко улыбнулся:

— Вот так-то лучше. Когда найдем твоих родителей, они увидят, что ты стал пухленьким, и не будут переживать, что ты натерпелся бед на чужбине.

Он не хотел, чтобы, когда придет время возвращать ребенка, родители увидели его изможденным и бледным. В таком случае о благодарности можно было даже не мечтать — хорошо еще, если его не отходят веником до полусмерти.

Е Ю принялся выуживать палочками остатки вонтонов из своей чашки и, обращаясь к Чао Миню, добавил:

— Ешь до конца, не оставляй.

Затем он повернулся к хозяину лавки:

— Хозяин, еще одну порцию!

Торговец вонтонами радостно отозвался:

— Сейчас будет, господин!

Чао Минь опустил ложку обратно в чашку и замер. В одно мгновение все его тело стало неподвижным, словно окаменевшим. В толпе, вдалеке, показался монах в желтых одеяниях. В левой руке он держал сто восемь четок, в правой — темную чашу для подаяний. Он ступал в соломенных сандалиях, а его лицо, лишённое всяких эмоций, казалось пустой маской. Монах шел прямо к ним. Он двигался невероятно уверенно, шаг за шагом ступая по булыжной

мостовой, и каждый его шаг оставлял на камне глубокий след.

И при этом он двигался так быстро, что никто из обычных прохожих на рынке его даже не заметил.

Чао Минь одарил его ускользающей улыбкой. Полуприкрыв глаза, он продолжал черпать ложкой бульон. Его тонкие бледные пальцы на фоне такой же светлой ложки выглядели пугающе изящно.

Ах, эти тупые ослы из храма Кун-Кун, у которых в головах пусто, а сердца нечисты, тоже решили выйти в мир. Как же это раздражает.

Чао Минь с милой улыбкой надавил ложкой на вонтон, разрубая его пополам, и представил, как бросает их в пещеру предков храма Кун-Кун, чтобы довести до белого каления настоятеля, который все еще сидит там в медитации. Интересно, поправился ли тот настоятель? После того удара, что он нанес, его духовные каналы были разорваны. Если он и не умер, то наверняка остался калекой.

Он надавил на еще один вонтон. Если все они сдохнут, наступит тишина.

Чао Минь улыбнулся своим мыслям. Пусть все сдохнут.

<http://bllate.org/book/22510/2377039>